

The background of the entire image is a misty, atmospheric street scene at dusk or dawn. Bare, dark trees frame the top and sides of the image. In the lower-left foreground, a weathered wooden signpost with two directional arrows stands on a patch of grass. The street is paved and shows some cracks. In the distance, a street lamp glows with a warm orange light, and the faint outlines of houses are visible through the mist. The overall color palette is dominated by cool blues and greys, with the warm light from the lamp providing a focal point of contrast.

Алекса Грей

Тихая заводь

Истории, которые не
должны быть рассказаны

Алекса Грей

**Тихая Заводь. Истории, которые
не должны быть рассказаны**

«Автор»

2026

Грей А.

Тихая Заводь. Истории, которые не должны быть рассказаны /
А. Грей — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Тихую Заводь — город, которого нет на картах, но который всегда ждёт гостей. Здесь фонари горят через один, а в тёмных промежутках кто-то стоит и смотрит. Здесь туман не наползает с реки, а сочится из трещин в асфальте. Здесь дети пропадают в парке раз в три года — и никто не задаёт вопросов. Здесь Красное озеро хранит на дне тела, которые не разлагаются, а улыбаются. Здесь мясокомбинат работает по ночам, но никто не видел, чтобы туда завозили скот. А в старом доме на окраине риэлтор сдаёт квартиру с одним условием: никогда не открывайте антресоль. Пятнадцать историй. Пятнадцать шагов во тьму. И одна общая тайна — Гнилая жила, пульсирующая под городом. Она питается страхами, воспоминаниями, голосами. И она хочет, чтобы её историю рассказали. Тихую Заводь нельзя покинуть. К ней можно только привыкнуть.

© Грей А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Слухи и тени	5
Собачья тропа	6
Красное озеро	17

Алекса Грей

Тихая Заводь. Истории, которые не должны быть рассказаны

Часть 1. Слухи и тени

*«Вы спрашиваете, есть ли в Тихой
Заводи что-то необычное? Нет. У
нас всё обычно. Просто обычное у
нас — другое».*

(Из интервью с местным жителем, 1998 г. Запись не опубликована.)

Собачья тропа

Восемь часов вечера в Тихой Заводи — это не просто наступление сумерек, а момент, когда само время начинает вести себя иначе, подчиняясь не астрономическим законам, а какой-то иной, глубинной логике этого места. Пространство между фонарями здесь становится не просто тёмным, а густым и осязаемым, словно остывший кисель или застоявшаяся вода в заброшенном аквариуме.

Лампы вдоль аллей зажигались через одну вовсе не ради экономии — просто половина плафонов всегда была разбита вдребезги, а менять их никто не торопился. В Тихой Заводи вообще редко что-то меняли или чинили.

В этих тёмных промежутках, в провалах между островками оранжевого света, рождалось особое чувство: будто в этой черноте, такой абсолютной, что глаз невольно начинает дорисовывать в ней силуэты, кто-то стоит и терпеливо ждёт, когда ты пройдёшь мимо.

Антон знал это чувство слишком хорошо. Оно впиталось в его кожу за пять лет жизни в Тихой Заводи, став такой же привычной частью быта, как вечно капающий кран на кухне или запах сырости в подъезде. Он так и не смог по-настоящему привыкнуть к этому липкому страху, а лишь научился игнорировать его с тем же усилием, с каким человек игнорирует фантомные боли в давно ампутированной конечности — знаешь, что её нет, но она всё равно чешется, напоминая о себе в самое неподходящее время.

Маршрут вечерней прогулки был выверен до автоматизма настолько, что Антон мог бы пройти его с закрытыми глазами. Из третьего подъезда направо, вдоль длинного ряда хрущёвок с облупившейся голубой краской, мимо детской площадки с пустыми качелями, затем старая арка в густых зарослях одичавшей акации — и сразу вход в парк. Триста метров в одну сторону, десять минут спокойным шагом, столько же обратно, и можно возвращаться в нагретую квартиру, к мерно гудящему холодильнику и привычному одиночеству.

Джек натягивал поводок с неистовым энтузиазмом тюленя, дорвавшегося до воды после долгого сидения в тесном вольере. Его золотистая шерсть переливалась в свете редких фонарей мягкими волнами, а влажный розовый язык вывалился набок, подрагивая в такт частому дыханию.

Лабрадор по своей природе — существо, генетически запрограммированное на безграничную радость, и Джек был идеальным представителем этой породы. Он любил абсолютно всё: скользкие палки, принесённые с помойки, глубокие грязные лужи, незнакомых людей, урчание мусоровоза по утрам, запах чужой собачьей метки на облупленном столбе. Его внутренний мир был прост, целостен и прекрасен в своей незамутнённой чистоте.

— Спокойно, дружок, — Антон привычным движением перехватил поводок, наматывая его петлю на запястье. — Белки уже спят, некого тебе гонять.

Ноябрьский воздух был пропитан запахом прелой листвы — сладковато-гнилостным, тяжёлым ароматом умирающего лета, который оседал на языке и в ноздрах. К этому запаху примешивалось что-то ещё, что-то постороннее и неприятное. Кисловатое, напоминающее запах мокрой собачьей шерсти, но более едкое и резкое, проникающее в горло и вызывающее смутную тошноту.

Антон машинально втянул воздух носом, анализируя этот новый оттенок, и подумал: «Может, падаль где-то поблизости разлагается?» В парке водились лисы — облезлые, наглые твари с горящими в темноте глазами, которые совершенно не боялись людей и вполне могли задрать кошку или разворотить мусорный бак в поисках еды.

Он никогда не любил этот парк после заката, хотя днём здесь было почти уютно: мамочки с колясками наматывали круги по асфальтовым дорожкам, пенсионеры азартно стучали шах-

матными фигурами по деревянным доскам и школьники на скейтах с грохотом преодолевали трещины в разбитом асфальте.

Но с наступлением темноты парк менял хозяев, и перемены эти были глубокими и фундаментальными. В кронах старых лип заводился ветер, и получался не привычный шелест листвы, а низкий, горловой гул — протяжный, вибрирующий, почти человеческий стон на выдохе.

Местные жители объясняли это по-разному. Кто-то говорил, что липы здесь особенные, дуплистые и старые, оттого и резонируют на ветру как органные трубы. Кто-то рассказывал шёпотом, что парк посадили в шестидесятых прямо на месте старого погоста при церкви Николая Угодника, и корни деревьев до сих пор ворочают в земле человеческие кости, отчего и рождается этот замогильный звук.

Антон не верил ни в погосты, ни в кости, ни в прочую мистическую чушь, которой так любили пугать друг друга местные. Он верил в законы акустики, особенности рельефа и рациональные объяснения. Но в парк после заката всё равно не ходил. До того самого вечера.

Джек вдруг рванул с места с такой силой, какой Антон никогда прежде за ним не замечал. Это было не просто натяжение поводка — пёс сорвался. Поводок, намотанный на вспотевшую ладонь, скользнул по коже с отвратительным влажным звуком, оставляя на запястье глубокий ожог, и вырвался на свободу прежде, чем Антон успел хоть как-то среагировать. Золотистый силуэт лабрадора мелькнул в пятне фонарного света лишь на долю секунды, а затем растворился в густых сумерках быстрее, чем человеческий зрачок успел сузиться и перестроиться на темноту.

— Джек! — голос сорвался на крик. — Ко мне! Джек, зараза такая, стоять!

Ответом ему стала тишина — такая глубокая и плотная, какой не могло быть в жилом районе даже поздним ноябрьским вечером. Даже ветер в липах стих, прислушиваясь к его крику и с интересом наблюдая за развитием событий.

Антон выругался сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает смесь злости и тревоги, и резко ускорил шаг. Асфальтовая дорожка, потрескавшаяся и просевшая от времени, уводила вправо — туда, где деревья росли гуще и старше, а свет последнего фонаря тонул в наползающем тумане.

Туман в Тихой Заводи был особенным, непохожим на обычные речные туманы, которые можно встретить в других городах — Антон заметил это ещё в первый год своего проживания здесь. Он не наползал с реки широкими белёсыми волнами, как положено нормальному природному явлению. Он просачивался из самой земли, сочился из трещин в асфальте, из забытых канализационных люков, из тёмных щелей между узловатыми корнями старых деревьев.

Местные старожилы называли его «подползун» и советовали запира́ть двери и не выходить из дома, когда он поднимается от земли. В такие вечера, говорили старухи, воздух становится липким и невкусным, а звуки плывут неоттуда, искажаются и обманывают, так что никогда нельзя доверять собственным ушам.

Собака нашлась у старой дренажной трубы на самой границе парка, где заканчивались фонари и начиналась непроглядная сырая тьма.

Антон сразу понял, что это именно она, хоть трубу и скрывали густые заросли пожухлого репейника, вымахавшего в человеческий рост. Слишком уж характерное было место. Труба уходила под дорожку метра на полтора — бетонное жерло, черневшее пастью какого-то древнего чудовища, застывшего в ожидании добычи.

В сухой летний сезон местные мальчишки на спор забирались туда, пытаясь выяснить, кто дальше проползёт в крошечной тьме. Антон сам однажды разогнал пацанов и наорал на них так, что сорвал голос, крича, что они задохнутся там к чёртовой матери. Ему тогда было глубоко плевать на этих детей и их судьбу — он просто не хотел, чтобы ещё одна беда случилась прямо на его глазах.

Сейчас труба выглядела совершенно иначе, чем он её помнил. Свет фонарика на телефоне выхватил из мрака влажную землю у входа — свежие комья жирного чернозёма, будто кто-то совсем недавно здесь копал, целенаправленно и усердно. И не просто копал, а методично расчищал проход. Слежавшаяся листва, которая должна была забить жерло по самую горловину плотной пробкой, оказалась аккуратно отодвинута в стороны. Кто-то или что-то освободило вход, чтобы можно было войти — или выйти наружу.

И запах — тяжёлый, с отчётливым металлическим оттенком, от которого сводило скулы и подступала дурнота. Так пахнет деревянная разделочная доска после сырого мяса, если её плохо помыть и оставить на ночь в тёплой кухне.

Джек стоял над кучей свежей земли и рыл с каким-то иступлённым, неестественным остервенением. Его передние лапы работали как поршни, разбрасывая по сторонам фонтаны грязи и мелких камней, а хвост, который обычно метался из стороны в сторону как пропеллер, был плотно поджат. Шерсть на холке стояла дыбом — жёсткая щётка вдоль позвоночника.

— Фу! Джек, фу! — Антон попытался придать голосу командирскую строгость. — Ты что там, крота нашёл, дуралей?

Он схватил пса за широкий кожаный ошейник и с усилием дёрнул на себя, чувствуя, как напряжены мышцы животного. Лабрадор неохотно отступил на пару шагов, и луч фонарика скользнул в небольшую ямку, которую он успел вырыть за эти короткие минуты, пока хозяин бежал на его поиски.

В ямке лежал ботинок — маленький, детский, ярко-красного цвета. Того самого особенного красного, который бывает только у совсем детских вещей: насыщенный, почти оранжевый оттенок, с облупившимся резиновым рантом в виде заячьей головы. Один глаз-пуговица у зайца выпал, и на его месте осталась только маленькая тёмная дырочка, похожая на пустую глазницу.

Антон замер, чувствуя, как холод медленно поднимается от лодыжек вверх по позвоночнику — медленно и методично. Это был не просто старый потерянный ботинок, не мусор и не забытая на прогулке обувь. Ботинок был завязан. Белые шнурки с выцветшими розовыми сердечками стянуты в аккуратный бантик, чуть ослабленный временем, но всё ещё узнаваемый. Как будто обувь сняли с детской ноги и положили сюда специально — бережно, почти ритуально. Словно кто-то очень хотел, чтобы эту находку непременно обнаружили и узнали.

— Всё, пойдём отсюда, Джек, — голос Антона прозвучал глухо и неестественно.

Пёс не двигался с места, его лапы словно приросли к влажной земле. Он стоял неподвижно и смотрел в черноту трубы, которую не мог рассеять даже яркий свет телефонного фонарика. Из его груди вырывался звук, которого Антон никогда раньше не слышал от своего пса за все пять лет, — низкий, грудной, вибрирующий где-то на грани инфразвука. Почти неуловимый человеческим ухом, но ощущаемый всем телом. Так собаки не рычат на прямую и понятную опасность. Так они предупреждают свою стаю о том, с чем лучше не встречаться ни при каких обстоятельствах.

Из чёрного зева трубы пахнуло сквозняком — влажным и тёплым, почти горячим, будто чьё-то влажное дыхание вырвалось из самой глубины подземного хода.

Антон попятился, волоча упирающегося пса за ошейник и чувствуя, как мелко дрожат пальцы. Поводок болтался по раскисшей земле, собирая грязь и мокрые листья, но он даже не пытался его поднять. Сделав несколько неуверенных шагов назад, он снова направил луч фонарика на находку, словно ожидая, что красный ботинок вдруг исчезнет, растворится в тумане или сдвинется с места самостоятельно. Но он лежал там же, где и прежде.

В каком-то необъяснимом порыве Антон вернулся к ямке, наклонился, поднял странную находку с холодной земли и положил в рюкзак, будто это было самой естественной вещью на свете.

Дома он выпил — не из стакана, а прямо из горла, запрокидывая бутылку и чувствуя, как виски обжигает гортань и проваливается в желудок тяжёлым горячим комом. Но алкоголь не согревал, — холод, поселившийся где-то под грудиной, не отступал ни на миллиметр. Руки всё ещё дрожали крупной дрожью, а пальцы оставались ледяными и негнущимися, хотя батареи в этот сезон шпарили на полную мощность.

Джек лежал в прихожей на коврик для обуви, положив тяжёлую голову на вытянутые лапы, и неотрывно смотрел на входную дверь тем особенным взглядом, от которого у Антона начинали шевелиться волосы на затылке. Пёс не спал, не моргал, и даже не отводил взгляд. Просто смотрел на дверь с каким-то запредельным, нечеловеческим терпением. Время от времени по его бокам пробегала дрожь — мелкая, судорожная, как будто тело пса било электрическим током.

Антон никогда в жизни не видел, чтобы собаки выглядели настолько обречённо и потешно. В глазах Джека читалось знание — тяжёлое, страшное знание, которого у него не могло быть. Будто пёс знал что-то такое, чего его хозяин ещё не понимал, но должен был понять в самое ближайшее время.

В голове Антона, как заевшая пластинка на старом проигрывателе, снова и снова прокручивался образ красного ботинка: зайчик с единственным уцелевшим пуговичным глазом, аккуратный шнурок, завязанный бантиком, и этот запах — металлический и неотступный.

Он открыл ноутбук и, не глядя налив себе ещё одну порцию виски прямо в грязный стакан, забил в поисковую строку: «Тихая Заводь пропавшие дети парк». Страница загрузилась на удивление быстро, и результатов оказалось гораздо больше, чем он рассчитывал увидеть, — ссылки на старые газетные статьи, форумы городских краеведов и заархивированные выпуски местных новостей.

Антон читал до трёх часов ночи, забыв о выпивке, о времени и обо всём на свете. Алкоголь перестал действовать где-то на второй заметке, когда смысл прочитанного начал доходить до его уставшего мозга во всей своей чудовищной полноте.

Первая заметка — 23 ноября 1987 года. Николай Семёнович К., семь лет. Не вернулся из школы после продлёнки. Последний раз его видели у входа в парк. Свидетельница, продавщица из ларька «Союзпечать», рассказала милиции, что мальчик шёл в сторону дренажной канавы и разговаривал с кем-то, кого она не смогла разглядеть из-за тумана. Тело так и не было найдено, несмотря на масштабные поиски с привлечением военных. Дело закрыто в 1988 году «за отсутствием состава преступления».

Вторая — 8 ноября 1994 года. Алина Александровна П., четыре года. Гуляла с отцом по центральной аллее парка. Отец, инвалид по зрению первой группы, на минуту выпустил руку дочери, чтобы достать сигареты и закурить на скамейке. Когда он чиркнул спичкой, девочки уже не было. Мужчина кричал и ползал по холодной земле в поисках дочери, обжигая ладони о мёрзлый асфальт. Никого. Тело не найдено, дело закрыто в 1995 году с формулировкой «предположительно, утонула в ливневом коллекторе».

Третья — 17 ноября 2003 года. Влад Павлович М., четырнадцать лет. Играл с друзьями в прятки в сумерках. Выбрал самое укромное место, спрятался и не вышел, когда игра закончилась. Друзья ждали его целый час, звали, прочёсывали кусты, а потом в слезах побежали к родителям. Милиция прочесала парк трижды с собаками, но не обнаружила никаких следов подростка. Дело закрыто в 2004 году — стандартная отговорка «ушёл из дома, объявлен в федеральный розыск».

Антон пролистывал одну заметку за другой, чувствуя, как внутри разрастается холодная пустота. Хроника была похожа на пунктирную линию на старой карте — ровные промежутки, одинаковый почерк беды, повторяющиеся формулировки. Восемь случаев, одиннадцать, четырнадцать... Он остановился на пятнадцатом и несколько минут сидел неподвижно, перечитывая одни и те же строки.

Пятнадцать имён за сорок лет, пятнадцать бесследно пропавших детей и подростков, пятнадцать закрытых дел с размытыми формулировками. И все — в ноябре, все — в одном и том же парке, все — в радиусе двухсот метров от дренажной трубы. И в каждом деле фигурировала одна и та же деталь, которую Антон заметил только сейчас, выписав даты в столбик на обрывке бумаги. Исчезновения происходили с интервалом ровно в три или четыре года, никогда не отклоняясь от этого графика. Как часы, природный цикл или ритуал, повторяющийся с неумолимой точностью.

Последнее исчезновение датировалось тремя с половиной годами назад. Девочка пяти лет пропала во время вечерней прогулки с бабушкой, и старуха потом твердила следователям про «туман, который забрал внучку». Всё списали на старческое слабоумие, предположив, что ребёнок просто убежал и потерялся, а тело не нашли из-за плохой работы поисковых служб.

Антон закрыл ноутбук и налил себе ещё виски — самый последний глоток, мутный осадок с доньшка. Он вспомнил одну важную деталь, которую отметил тогда периферийным зрением, но не дал себе полностью осознать и додумать до конца. Земля у трубы была не просто свежей — она была расчищена недавно. Может быть, сегодня днём, может быть, вчера вечером. Кто-то терпеливо раскапывал заваленный вход. Или что-то раскапывало его изнутри, выбираясь наружу после долгой спячки.

Телефон завибрировал на столе. Подпрыгнув от неожиданности, Антон вздрогнул так сильно, что опрокинул пустой стакан. Тот покатился по столу и упал на пол, но каким-то чудом не разбился. На экране высветилось сообщение от Галины Степановны, соседки из квартиры напротив.

Ей было восемьдесят четыре года. Она въехала в этот дом сразу после его постройки в 1962 году и знала о Тихой Заводе больше, чем весь местный краеведческий музей. Антон иногда заносил ей продукты из магазина, чинил капризный телевизор и слушал бесконечные истории про старый город, про исчезнувшие улицы, про людей, которых давно нет в живых. Галина Степановна никогда не писала ему сообщений позже семи вечера — она обычно ложилась спать рано.

«Антон, вы в порядке? Я видела из окна, как вы с собакой возвращались со стороны парка. Не ходите туда больше, пожалуйста. Особенно сейчас».

Он не стал отвечать текстом — пальцы дрожали слишком сильно, чтобы попадать по клавишам, — и нажал на кнопку вызова, прижав телефон к уху плечом. Гудок, второй, третий — и наконец щелчок соединения.

— Аллю.

Голос пожилой женщины был сухой и ломкий, как прошлогодняя листва под ногами.

— Галина Степановна, это Антон. Что вы знаете про парк?

В трубке долго молчали, и тишина эта была тяжелее любых слов. Антон слышал только дыхание — надтреснутое, со свистом.

— Вы нашли что-то там, — произнесла она наконец, и это был не вопрос, а констатация факта.

От этой спокойной, уверенной фразы у Антона зашевелились волосы на затылке, поднимаясь дыбом, как шерсть на холке у Джека.

— Да, какую-то ерунду. Детский ботинок. Валялся у дренажной трубы. Красный такой, с зайчиком на боку. Я не знаю, почему я его взял, я просто...

— Господи, — выдохнула старуха, и в её голосе не было ни капли удивления — только бесконечная усталость. И страх, старый, привычный, знакомый до мельчайших оттенков, как боль в суставах перед дождём. — Вы его трогали? Вы принесли эту вещь в дом?

— Да, я взял его с собой, он у меня. Галина Степановна, послушайте...

— Нет, это вы меня слушайте, Антон, и слушайте очень внимательно, — резко перебила она, и её голос обрёл неожиданную твёрдость. — Это не ваше дело, понимаете? Не ваше, не

моё и вообще не человеческое. Отнесите эту находку туда, где вы её взяли, завтра же, до заката, пока ещё светло. Не откладывайте ни на день.

— Но это же может быть уликой! — почти закричал он в трубку. — Если там в трубе тело, нужно немедленно ехать в полицию, вызвать следственную группу, нужно...

— Это не улика, — оборвала его старуха с неожиданной жёсткостью. — Это ошейник.

Повисла тишина — такая же глухая, как в парке, когда стих ветер в липах. Антон слышал, как в трубке размеренно тикают старые настенные часы соседки — те самые, с резной кукушкой, которые он столько раз слушал во время своих визитов.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — прошептал он пересохшими губами.

— И не надо понимать. Просто верните его туда, откуда взяли, и не ходите в парк до декабря. Слышите меня, Антон? Особенно с собакой, ни в коем случае не берите туда пса. Ему там не место.

В трубке слышались короткие гудки, и на все его повторные звонки старушка больше не ответила — слышались только длинные гудки, уходящие в пустоту.

Эту ночь Антон не спал ни минуты. Он сидел в старом продавленном кресле у окна и смотрел на пустую улицу, залитую неестественным оранжевым светом редких фонарей, на пустые качели детской площадки, на чёрные окна спящих хрущёвок. Джек лежал у входной двери и время от времени издавал тот самый низкий, вибрирующий звук — как будто предупреждал кого-то, стоящего на лестничной площадке за порогом, что здесь занято и вход воспрещён.

Утром, дождавшись открытия, Антон поехал в городскую библиотеку — двухэтажное здание дореволюционной постройки с осыпающейся лепниной в виде мраморных сов над карнизами. Внутри пахло книжной пылью, старым канцелярским клеем, желтеющей бумагой и временем — тем особенным запахом, который бывает только в местах, где хранятся очень старые вещи. Библиотекарша, сухая женщина лет шестидесяти, поджала тонкие губы в нитку, когда он попросил подшивку «Тихозаводских вестей» за все доступные годы.

— Ноябрьские номера, — уточнил Антон, стараясь, чтобы голос звучал ровно и буднично. — Больше ничего не нужно.

Она подняла на него глаза поверх очков в тяжёлой роговой оправе, и её взгляд был острым, цепким, оценивающим. Как будто она прикидывала, насколько он опасен и стоит ли ему вообще давать эти материалы.

— А вы, простите за любопытство, с какой целью интересуетесь старыми ноябрьскими номерами?

— Просто интересуюсь местной историей, без какой-то конкретной причины.

— Без причины, — она медленно кивнула, не сводя с него изучающего взгляда. — Ну, раз вы просто интересуетесь без причины, то я вам так скажу: нераскрытых дел у нас в городе нет. Детей тех не нашли, это правда, но дела по ним давно закрыты и сданы в архив. Всё это просто несчастные случаи и трагические совпадения. Дети тонут в коллекторах, убегают из неблагополучных семей, теряются в лесополосе — с кем не бывает. — Она сделала многозначительную паузу и поправила очки на переносице. — Город у нас спокойный, молодой человек, очень спокойный и тихий. А спокойствие, знаете ли, требует от жителей определённой аккуратности в вопросах, которые не следует задавать.

Последняя фраза прозвучала как плохо замаскированная угроза, но Антон встретил её тяжёлым взглядом и не отвёл глаза в сторону.

— Я просто хочу почитать старые газеты. Это ведь не запрещено никакими законами?

— Не запрещено, — согласилась библиотекарша без тени улыбки. — Но и не поощряется.

Она ушла вглубь архива и вернулась примерно через десять минут с пыльной кипой подшивок, перевязанных крест-накрест суровой бечёвкой. Положив тяжёлые папки на стол перед

Антоном, она ещё раз поджала губы и поморщилась, словно от зубной боли. На верхней папке он успел заметить выпцветший прямоугольный штамп: «ДСП. Снять гриф в 2005 г.».

ДСП — «для служебного пользования». Ограничительный гриф, который обычно ставили на документы, не предназначенные для широкого распространения. Почему городская газета имела такой гриф? Что такого было в этих старых заметках?

Он углубился в чтение. Библиотекарша удалилась за свою стойку и больше к нему не подходила, но он всё время чувствовал её пристальный, буравящий взгляд затылком.

Через два с половиной часа у него на коленях лежала исписанная таблица. Пятнадцать имён, пятнадцать дат. Пятнадцать судебных, оборвавшихся в одной и той же точке. И три закономерности, от осознания которых кровь стыла в жилах и отказывалась нормально циркулировать по телу.

Первая закономерность — интервал. Все без исключения исчезновения происходили с промежутком либо в три, либо в четыре года, без единого отклонения. Никогда — в два года, никогда — в пять лет. Только три или четыре, и этот ритм держался почти четыре десятилетия.

Вторая — ноябрь. Все даты компактно укладывались в промежуток с 7 по 25 ноября, никогда не выходя за эти границы. Ни одного исчезновения в октябре или декабре, ни одного за всю сорокалетнюю историю. Только ноябрь. Поздняя осень, когда поднимается «подползун».

Третья — место. Все дети в последний раз фигурировали в районе парка или на расстоянии не более двухсот метров от него. Как будто это место было эпицентром некой невидимой воронки, которая методично затягивала жертв с периферии, расширяя и сужая радиус действия по одному ей ведомому принципу.

Четвёртая закономерность обнаружилась случайно — он чуть не пропустил её, устало протирая воспалённые глаза. Среди пятнадцати детских имён затесалось ещё одно, которое он поначалу принял за опечатку в газетной вёрстке.

В 1996 году пропал без вести ночной сторож парка, мужчина сорока трёх лет, местный пьяница и инвалид. Вышел в свою обычную ночную смену и не вернулся, а утром нашли только его пустую сторожку с ещё тёплой печкой и нетронутой бутылкой водки на столе. Дело списали на пьянство и междоусобную драку бродяг, но дата исчезновения стояла та же самая: 14 ноября. Интервал соблюлён идеально. Антон откинулся на жёсткую спинку библиотечного стула. Значит, возраст жертвы не имел значения. Важно было только место и время.

Последнее исчезновение случилось три с половиной года назад. Интервал между предыдущими эпизодами: три года, потом четыре, потом снова три, потом четыре. Если закономерность сохранялась... Следующая жертва должна была исчезнуть в этом году, в этом самом ноябре. В течение ближайших трёх недель.

Антон захлопнул подшивку с гулким стуком, разнёсшимся по пустому читальному залу. Библиотекарша тут же подняла голову от своих бумаг, услышав резкий звук.

— Нашли то, что искали? — спросила она ровным, бесцветным голосом, но в нём звенела какая-то скрытая нота, которую Антон не смог опознать. Удовлетворение? Или предостережение?

— Нет, — соврал он, не моргнув глазом. — Ничего особенного.

— Вот и хорошо. Нечего искать особенного в нашем городе. Всё у нас обычно, всё как у людей. А вы, молодёжь, вечно приключения на свою голову ищете.

Домой он не поехал, чувствуя, что не сможет сидеть в четырёх стенах с этим знанием, грызущим его изнутри. Вместо этого Антон до самого вечера бесцельно ходил по городу, нося в себе мутное и тяжёлое чувство человека, который вдруг обнаружил у себя под полом тайную комнату, и теперь не представляет, как с этим знанием жить дальше.

Он попытался зайти в городское отделение полиции — не затем, чтобы писать официальное заявление, а просто спросить и проверить свою догадку. Дежурный за стеклянной пере-

городкой, молодой парень с пустыми рыбьими глазами и безразличным лицом, выслушал его, не перебивая, а потом лениво пролистал базу данных на допотопном компьютере.

— Ботинок, говорите? Детский, красный? — его пальцы с обкусанными ногтями замерли над клавиатурой. — Нет, заявлений о пропаже детских вещей не поступало, я проверил. У нас город спокойный и тихий. Если вы нашли бесхозную вещь, не представляющую материальной ценности, просто выкиньте её в мусорный контейнер, и дело с концом.

Антон попытался рассказать ему про пятнадцать нераскрытых случаев за сорок лет и чёткую закономерность, которую он высчитал за эти часы в библиотеке. Дежурный переменился в лице — оно стало не злым или враждебным, а каким-то странно непроницаемым, вежливо-нейтральным, будто на лицо надели маску.

— Гражданин, вы пьяный, что ли? Или, может, под веществами какими-то находитесь? Какие ещё пятнадцать случаев? Не было такого никогда в нашем городе, откуда вы это взяли? Это всё «утки» из интернета, фейки, постановочные съёмки. Не советую вам в этом дальше копать. Идите домой, проспите и будьте спокойны. Мы своё дело знаем, и никаких серийных преступлений у нас нет.

Домой он вернулся только под вечер, когда солнце уже село за серые громады хрущёвок и фонари зажглись через один, как всегда в этом районе. Антон шёл быстро, почти бежал, глядя строго под ноги и стараясь не поворачивать голову в сторону парка, который манил и оттапливал одновременно.

Внутри нарастала тянущая, неправильная тревога — не та обычная, что предупреждает человека о рациональной опасности, а та глубинная тревога, что заставляет параноидально проверять, заперта ли входная дверь, по три раза дёргая ручку.

Джек встретил его у двери как всегда, всем телом выражая радость от возвращения хозяина. Хвост вилял, но как-то неуверенно, с зажатостью. Не радостно и размашисто, а примирительно, словно пёс говорил ему: «Ты вернулся, я рад этому, но что-то идёт неправильно, и мы оба с тобой это знаем».

Антон потянулся к ошейнику, чтобы привычным движением пристегнуть поводок для вечерней прогулки. Джек отступил назад — всего на один маленький шаг, но Антон замер как вкопанный, чувствуя, как пересыхает во рту. За пять лет их совместной жизни Джек никогда и ни при каких обстоятельствах не отказывался от прогулки. Этот лабрадор, готовый радостно гулять даже в проливной дождь и ледяной ураган, сейчас пятился вглубь квартиры, прижимая уши и глядя на хозяина исподлюбья.

Антон опустил на корточки перед псом и взял его тёплую морду в ладони, чувствуя, как подрагивают собачьи челюсти. Джек смотрел на него в упор, не мигая, и в его тёмных глазах не осталось ни грамма привычной щенячьей радости — только влажный болезненный блеск и какая-то вековая, почти не собачья мудрость, глубокая и скорбная.

— Слушай меня, дружок, — прошептал Антон, чувствуя, как першит в горле. — Я всё прекрасно понимаю. Думаешь, мне самому охота туда переться ночью? Но она сказала, что это ошейник или что-то типа того. Мы с тобой не просто нашли какую-то там улику. Мы её взяли и принесли в наш дом. И если я сейчас не верну это туда, где взял, то... — он осёкся на полуслове, не в силах закончить фразу.

Воображение, подстёгнутое хроническим недосыпом и остатками алкоголя в крови, дорисовало жуткую картину: маленькая детская ладошка с грязными ногтями, отпечатанная на запотевшем дверном глазке изнутри его собственной квартиры.

— Это не для полиции. Это как выкуп, понимаешь? Мы просто отнесём вещь и оставим её там, где взяли, и всё сразу закончится. Это будет честный обмен.

Он лгал, и сам чувствовал эту ложь всей кожей. Не будет никакого обмена и честной сделки. Там, в этой крошечной тьме, не торгуются и не обмениваются. Но альтернативой честному походу было сидеть и ждать в четырёх стенах, пока «подползун» просочится в квартиру

сквозь вентиляционные решётки и дверные щели. И страх перед пассивным ожиданием неизвестности оказался сильнее страха перед активным действием.

Антон снова потянулся к ошейнику, чувствуя, как мелко дрожат пальцы. Джек жалобно, совсем по-щенячьи взвизгнул, но подошёл сам и прижался тёплым боком к ноге хозяина, принимая их общую судьбу. Он был единственным живым существом во всём этом городе, кто не предал и не отвернулся, кто остался рядом до самого конца.

В парке было тихо. Ни сверчков, ни шороха падающих листьев, ни далёкого собачьего лая за рекой, ни городского фона в виде гула машин. Даже ветра не было, ни малейшего дуновения. Только туман — ещё более густой, чем вчера, насыщенный влагой до предела. «Подползун» поднимался из многочисленных трещин в асфальте ленивыми белёсыми струйками, обвивал лодыжки невидимыми пальцами и охлаждал кожу даже сквозь плотную джинсовую ткань.

Антон сжимал в кармане куртки маленький красный ботинок, чувствуя его тяжесть и форму через подкладку. Зайчик смотрел на него единственным уцелевшим глазом — пуговица была пришита неровно и криво, отчего казалось, что он подмигивает ему в полумраке, подбадривает или, наоборот, предостерегает от последнего шага.

У трубы он остановился как вкопанный. Земля вокруг бетонного жерла была нетронутой и гладкой, без единого следа — ничьих отпечатков, кроме его собственных вчерашних следов, уже заплывших грунтовой влагой. Аккуратно, словно сапёр, обезвреживающий мину, Антон вынул красный ботинок из кармана.

Положить его обратно на холодную землю оказалось неожиданно трудно — ботинок цеплялся за подкладку кармана развязавшимся шнурком, как будто сопротивлялся возвращению. Наконец Антон разжал непослушные пальцы, и бок тряпичного зайца глухо стукнулся о влажный суглинок. Звук вышел почти неслышимый, но в мёртвой тишине ночного парка он прозвучал громче выстрела стартового пистолета.

Антон остался стоять на месте, ожидая чего-то — он и сам не знал, чего именно. Может быть, что земля сейчас разверзнется под ногами и поглотит ботинок, или что находка исчезнет в облачке белёсого дыма. Но не происходило ровным счётом ничего. Секунды мучительно растягивались в минуты, и на запястье пискнули смарт-часы, фиксирующие учащённый пульс — 140 ударов.

А потом пришло осознание — резкое, как пощёчина. Тишина, окружающая его, была не просто отсутствием звука, она была абсолютно глухой и противоестественной. Антон повернул голову к веткам старых лип над головой — они застыли в полной неподвижности, словно нарисованные тушью на чёрной бумаге.

Он нарочно кашлянул в кулак, и звук его кашля не разнёсся по парку гулким эхом, а упал в туман, как в мокрую вату, мгновенно поглощённый. Хуже того — он вдруг понял, что не слышит собственного дыхания. И дыхания Джека рядом не слышит тоже.

Пёс стоял, прижавшись к его ноге, бока его судорожно вздымались. Но ни лай, ни рычание, ни хриплое дыхание — ничто не пробивалось сквозь эту вязкую тишину. Будто кто-то невидимый выкрутил ручку громкости всего мира до абсолютного нуля. Остался только инфразвук — низкая, давящая на грудную клетку вибрация, которая шла не через уши, а прямо в рёбра в ритме сердцебиения. Но ритм этот был значительно медленнее человеческого, как будто сердце, которое его задавало, билось внутри очень большого и очень старого тела, спящего где-то глубоко под землёй.

А потом он внезапно услышал звук, прорезавший эту ватную тишину как скальпель.

Сначала это был шорох осыпающейся земли, отчётливый и близкий. Затем — дыхание, медленное, влажное и многослойное, усиленное бетонной акустикой трубы. Словно огромный спящий зверь просыпался где-то в глубине подземных коммуникаций, и каждый его вдох проходил через километры старых бетонных лабиринтов, прежде чем достичь поверхности.

А затем — голос. Детский, высокий, чуть шепелявый. С той особенной интонацией, с какой говорят только маленькие дети, ещё не научившиеся по-настоящему врать.

— Спасибо, что вернул мою туфельку.

Антон оцепенел до потери контроля над телом. Все мышцы отказали разом — он не мог ни бежать прочь, ни крикнуть, ни даже отвести дрожащий луч фонарика в сторону.

Из трубы, из самого чёрного провала, смотрели два глаза, отражающие свет фонаря зеленоватым, как у кошки в ночи. Но это были не кошачьи глаза — слишком большие, слишком идеально круглые, близко посаженные друг к другу. Слишком человеческие для животного и слишком звериные для человека.

— Я думал, ты придёшь ещё вчера, — произнёс голос, и в нём прозвучала искренняя детская обида на опоздавшего друга. — Но ты пришёл сегодня, и это хорошо. Ты оказался хорошим и послушным. Теперь ты — навсегда часть нашей истории.

Антон бросился бежать с такой скоростью, какой сам от себя не ожидал. Адреналин разорвал оцепенение, как удар электрического тока разрывает судорогу, и он побежал, не разбирая дороги и спотыкаясь о вывороченные корни. Джек залаял — хрипло, надрывно, с визгом. Поводок натянулся до предела, рискуя порваться от дикого напряжения.

За спиной труба молчала, туман рассеивался, уползая обратно в трещины в асфальте, а детский ботинок исчез с земли, будто его никогда там и не было. Только на влажном суглинке остался отчётливый след — маленькая человеческая ладошка с неестественно длинными пальцами, отпечатанная в грязи.

Антон бежал до самого подъезда, не чуя под собой ног от ужаса и не останавливаясь ни на секунду. Он захлопнул входную дверь своей квартиры и прислонился спиной к холодной стене, пытаясь отдышаться. Джек жался к его ногам и тихо поскуливал, подрагивая всем телом. Всё закончилось, всё наконец кончилось.

— Всё, Джежки, всё, — прошептал он, заглываясь воздухом. — Больше никогда...

А потом он заметил краем глаза, что дверной глазок его квартиры снаружи стал чёрным, будто с той стороны к нему плотно прижалось что-то большое и заслонило собой весь свет лестничной площадки. Антон медленно, преодолевая животный ужас, повернул голову к двери. И в этой иссиня-чёрной глубине глазка проступили, разгораясь всё ярче, два зелёных огонька.

Наутро соседи нашли пса на холодной лестничной клетке — мокрого, дрожащего всем телом, с белыми от запредельного ужаса глазами, забившегося в угол между стеной и мусоропроводом. На его ошейнике — старом, потрескавшемся от времени, с облупившейся позолотой, которого никто раньше на нём не видел — висел металлический жетон. На одной стороне жетона была выгравирована кличка: «Малыш». На другой — дата: 23 ноября 1987 года, отпечатанная неровным шрифтом.

Галина Степановна, увидев этот жетон, перекрестилась троекратно, мелко и быстро, но не сказала никому ни слова — ни соседям, ни участковому, ни даже самой себе. Она просто покормила дрожащего Джека тёплой тушёнкой с гречкой, постелила ему старое ватное одеяло у горячей батареи и оставила у себя.

Пёс больше никогда не лаял. Он просто лежал на одеяле целыми днями и смотрел в одну точку на стене немигающим взглядом. Иногда он тихо скулил во сне, перебирая лапами по полу, словно бежал по знакомому маршруту от хрущёвок к старой арке и обратно, и тогда Галина Степановна гладила его по седой голове, приговаривая: «Тише, Малыш, тише, всё хорошо». На новую кличку он не отзывался, но старую никто больше не произносил вслух.

Только одна деталь мучила и тревожила старуху больше всего остального. Раз в сутки, ровно в восемь часов вечера, в то самое время, когда пространство между фонарями становится густым и осязаемым, Джек поднимался со своего одеяла. Он подходил к входной двери и замирал перед ней как вкопанный. Его хвост начинал неуверенно вилять — не радостно, а

примирительно и просительно. Он обнюхивал холодный воздух у порога, тихонько поскуливал и тыкался влажным носом в дверную ручку.

Он ждал, что хозяин, как обычно, выйдет из комнаты, намотает поводок на запястье и скажет с теплотой в голосе: «Спокойно, дружок, белки уже спят». Он ждал ровно десять минут каждым вечером. А потом ложился у порога, положив тяжёлую голову на вытянутые лапы, и смотрел на дверь. В его старых, мудрых, почти человеческих глазах стояла та самая обречённость, смешанная с генетически запрограммированной верой в чудо возвращения. Фантомная боль по живому человеку, который больше никогда не придёт.

Антон больше никто никогда не видел. Формально — уехал, не оставив адреса для переписки почты. Полиция не искала и не объявляла в розыск. В Тихой Заводи вообще редко кого ищут по-настоящему — здесь давно предпочитают не задавать лишних вопросов и не ждать никаких ответов. Галина Степановна, узнав, что он пошёл в парк после заката, только молча покачала головой.

А парк стоит до сих пор, и фонари в нём горят через один. В ноябре там особенно туманно, а «подползун» сочится из трещин в асфальте гуще и обильнее обычного. И в старой дренажной трубе, если прислушаться в сумерках, иногда можно услышать, как скулит собака. И низкий, горловой звук — предупреждение всем, кто подойдёт слишком близко к чёрному жерлу.

Красное озеро

Кирилл испытывал к навигатору не просто раздражение, а почти суеверную неприязнь, которая копилась в нём уже несколько лет. Ему было всего двадцать восемь, он вырос с телефоном в руке и привык доверять технике больше, чем людям. Но навигатор в окрестностях Тихой Заводи вёл себя совершенно непредсказуемо и противостоестественно.

Чем дальше они отъезжали от города, тем чаще карта на экране начинала жить своей собственной жизнью: дорога уплывала куда-то в сторону, указатель поворота мигал на абсолютно пустом поле, где не было никаких съездов, а синяя стрелка маршрута вдруг принималась беспомощно вращаться вокруг своей оси.

— Да что ж ты творишь, зараза такая, — пробормотал Кирилл, встряхивая телефон в руке, будто это примитивное действие могло вернуть электронику к нормальной работе.

— Забей на него, — Денис сидел на пассажирском сиденье, развалившись в кресле и глядя в окно на проплывающий мимо унылый ноябрьский пейзаж. — Я дорогу знаю прекрасно, можешь не сомневаться. До развилки едем прямо, никуда не сворачивая, потом налево, мимо старого заброшенного кладбища и дальше по грунтовке до упора. Там тупик, и ты упрёшься бампером прямо в озеро.

— Ты там вообще был хоть раз в жизни или просто умничаешь, как обычно?

— Мне батя рассказывал во всех подробностях, и не по одному разу. Он в восьмидесятых туда с заводскими мужиками на рыбалку мотался каждое лето. Говорил, озеро — просто бомба, таких нигде больше нет. Щука там во-от такая, — Денис развёл руки на ширину плеч, демонстрируя размер добычи, — аж руки выворачивает, когда тащишь, удилице в дугу сгибается. Только странное оно, говорил батя. Не любит чужих, не принимает кого попало.

— В каком смысле озеро не любит чужих? Это же просто водоём.

— Ну, знаешь, как в жизни иногда бывает с такими местами. Рыба там клюёт далеко не у всех и не в любое время суток, какие-то свои порядки. Женщин туда вообще лучше никогда не возить. И ещё, — Денис сделал многозначительную паузу, явно наслаждаясь производимым эффектом, — на закате вода в этом озере становится красной, как кровь.

— Водоросли определённого вида, — Кирилл равнодушно пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги. — У нас в аквариуме когда-то были точно такие же. Краснеют от особого пигмента, когда солнечный свет падает под определённым углом. Элементарная биология, Дэн, школьный курс. Физика, оптика, преломление света в воде.

— Ага, оптика, — ухмыльнулся Денис с какой-то странной, нехорошей усмешкой. — Ты забыл, что мой батя вообще-то физик по образованию. Кандидат наук, между прочим. Но после пары поездок на Красное озеро он в церковь ходить начал и свечки ставить за здоровье и за упокой.

Кирилл хмыкнул что-то неопределённое, но спорить не стал, предпочитая сосредоточиться на дороге. Денис всегда любил страшные байки и умел их мастерски подавать, с театральными паузами и мрачными интонациями. Половина его рассказов была откровенной выдумкой, ловко приправленной парой реальных деталей для убедительности. А вторая половина — чужими историями, которые он беззастенчиво и вдохновенно пересказывал от первого лица. В школьные годы он виртуозно развлекал класс бесконечными историями про призрака в школьном подвале, который якобы хватал за ноги дежурных, и про женщину в белом саване, бродившую по ночам на пустыре за автобусной остановкой. Никто ему по-настоящему не верил, или старательно делал вид, что не верит, но слушали его абсолютно все, затаив дыхание.

Развилка встретила их старым, покосившимся деревянным указателем, который чудом держался на одной ржавой петле. Надпись «Красное оз.» была не выжжена и не напечатана,

а выцарапана по серой древесине чем-то очень острым — с неровными краями, глубокими заусенцами и следами явно приложенной физической силы. А ниже, уже другими чернилами, кто-то приписал чёрной облупившейся краской: «Не паркуйтесь у воды».

— Обнадёживает, ничего не скажешь, — Кирилл постучал пальцем по шершавой доске, стирая с неё капли конденсата. — Это не твой ли батя, случайно, такие предупреждения писал?

— Не-а, не он, — Денис вдруг стал необычно серьёзным, и вся его напускная смелость куда-то испарилась. — Этой таблички при нём ещё не было, я точно знаю. Он говорил, что туда вообще никаких указателей никогда не ставили, принципиально не обозначали. Местные власти это озеро как бы не признавали и делали вид, что его не существует. Нет его ни на каких картах, и всё тут, хоть ты тресни.

— Да ладно тебе сочинять. Сейчас всё есть на картах, всё оцифровано.

Кирилл открыл спутниковый снимок местности на телефоне и увеличил квадрат, куда они направлялись. Сплошной зелёный массив без просветов — лес, поля, овраги, опять лес. Никаких признаков воды, даже маленького пруда. Он переключился на карту Генштаба — то же самое, пустое место без каких-либо обозначений. Только старая советская «километровка», скачанная когда-то давно для туристических походов, показывала в нужном месте маленькое синее пятнышко без единой подписи.

— Не бойся, — Денис хлопнул его по плечу с преувеличенной бодростью. — Удочки мы взяли отличные, червей накопили, водка имеется. Что ещё надо для настоящего мужского отдыха?

— Спички, — коротко бросил Кирилл, возвращая телефон в держатель на приборной панели. — Чтобы костёр нормальный разжечь, а не как в прошлый раз.

— И спички тоже взяты, хватит тебе ворчать.

Грунтовка оказалась старой, давно заброшенной и основательно заросшей. Голые ветки кустарника противно скребли по бокам машины, оставляя на краске едва заметные царапины, а днище то и дело чиркало о высокую жухлую траву и скрытые в ней камни. Кирилл ехал очень медленно, напряжённо вглядываясь вперёд сквозь заляпанное грязью лобовое стекло. Лес подступал всё ближе к дороге, и чем дальше они углублялись в эту чащу, тем гуще и тяжелее становился окружающий воздух. Пахло отнюдь не хвоей и не осенней листвой, а чем-то застойным, болотистым и подгнившим.

— Чувствуешь этот запах? — спросил Денис, поворачиваясь к водительскому сиденью.

— Трудно не почувствовать. Вода где-то рядом, скорее всего.

— Не только вода, там ещё что-то есть, — он поморщился и потёр переносицу. — Сладкое что-то, как сироп, который на плите подгорел.

Озеро открылось им совершенно внезапно. Лес вдруг расступился в стороны, как театральный занавес, и машина выкатилась на обширную поляну, поросшую жухлой примятой травой. Впереди, метрах в тридцати от края поляны, начиналась вода. Гладкая, абсолютно неподвижная, как отполированное зеркало, и действительно отливающая густым красным цветом в косых лучах заходящего осеннего солнца.

Озеро оказалось относительно небольшим — может быть, метров двести в поперечнике, не больше. Берега были пологими и илистыми, густо поросшими рогозом и высоким сухим камышом, который стоял плотной стеной. Вода выглядела почти чёрной у самого берега, но ближе к центру, где заходящее солнце ещё касалось её поверхности своими последними лучами, она отливала густым, тёмно-винным, почти кровавым оттенком. Это было по-своему красиво — и в то же время совершенно неправильно.

— Слышишь что-нибудь? — прошептал Денис, и голос его прозвучал непривычно напряжённо.

Кирилл прислушался, стараясь уловить хоть что-то. Тишина. Но не та обычная тишина, которая бывает в лесу поздним вечером — без птичьих голосов, без стрекотания насекомых

в траве и без лягушачьего кваканья. Лягушки просто обязаны были орать на все лады в такое время года, это было их обычное поведение. Но их здесь не было, ни одной. И ничего другого не было тоже, вообще ничего живого в радиусе слышимости.

— Тихо, — произнёс он одними губами.

— Слишком тихо, до жути, — кивнул Денис, и его пальцы нервно забарабанили по пластиковой обшивке двери. — Ладно, хватит стоять, давай выгружаться и располагаться. А то водка выветрится.

Они разбили свой походный лагерь на относительно сухом пригорке, метрах в пятнадцати от кромки воды. Палатку решили не ставить — ночь обещала быть ясной и без осадков, да и не хотелось возиться с дугами и кольшками в сгущающейся темноте. Вместо этого они просто бросили на холодную землю старый спальный мешок и расстелили поверх него шерстяной плед. Костёр разожгли только с третьей попытки, потому что собранные вокруг ветки оказались влажными от тумана и категорически не хотели гореть. Огонь занялся неохотно, с шипением, треском и густым дымом, выбрасывая в темнеющее небо снопы оранжевых искр.

— Давай за знакомство с Красным озером, так сказать, — Денис поднял пластиковый стаканчик, наполненный до половины. — И за то, чтобы мы отсюда благополучно уехали. С рыбой, желательно.

— За рыбу, — согласился Кирилл, принимая тост.

Водка была дешёвой и обжигала горло, но здесь, в сумерках, у потрескивающего костра, перед застывшей чёрной гладью воды, даже этот палёный алкоголь казался частью какого-то древнего, почти ритуального действия. Они забросили удочки, насадив на крючки жирных земляных червей, которые вяло извивались в банке, и уселись поближе к огню, вытянув ноги.

— Батя мне рассказывал, — начал Денис после второй стопки, которую он опрокинул залпом, — что в первый раз они сюда вообще втроём приехали. Он, Сан Саныч из инструментального цеха, мужик бывалый и битый жизнью, и Лёха-электрик, молодой совсем парень. Закинули снасти, сидят себе культурно, выпивают потихоньку, разговаривают за жизнь. Часов в десять вечера, когда уже совсем темно стало, Лёха вдруг как заорёт не своим голосом: «Клюёт, мужики, тащите!» Тянет изо всех сил — и леска у него внатяг, аж звенит. Вываживает минут десять, матерясь в голос. И в итоге вытаскивает на берег...

— Огромную щуку килограмм на десять, — подсказал Кирилл, который уже слышал десятки подобных рыбацких историй.

— Рыбу, — с нажимом произнёс Денис, выделяя голосом это слово. — Белую. Прямо бледную, как покойник. И абсолютно слепую, — он говорил теперь медленно и вкрадчиво, неотрывно глядя в огонь. — Глаз у этой твари не было вообще, представляешь? Просто гладкая серая кожа в тех местах, где у нормальной рыбы должны находиться глаза. И чешуя у неё была мягкая, как мокрая бумага, и отслаивалась целыми пластами. А пасть... пасть вроде бы самая обычная была, рыба. Только зубов там было больше, чем нужно, и все эти зубы были кривые, заходящие друг на друга в несколько рядов.

— Ты сам-то хоть эту рыбу видел, или только пересказываешь байки?

— Нет, не видел, и слава богу. Они её сразу обратно в воду выбросили, не сговариваясь. Сан Саныч, мужик терпеливый и спокойный как танк, сказал тогда, что такую тварь нельзя есть ни под каким видом. А Лёха этот, электрик, — Денис вдруг осёкся и уставился на поплавок, который начал мелко-мелко подрагивать на воде.

Кирилл тоже заметил это движение. Поплавок дёргался совершенно странно — не так, как когда рыба по-настоящему клюёт и пробует наживку. Скорее казалось, будто кто-то снизу, из тёмной глубины, легонько тычет в него пальцем, играючи. Тык. Пауза. Тык. Ещё пауза. Тык-тык-тык.

— Тебе показалось, наверное, — неуверенно сказал Кирилл, хотя сам прекрасно видел эти движения.

— Ничего мне не показалось, — отрезал Денис, и глаза его расширились. — Смотри внимательно.

Поплавок задёргался сильнее и чаще, а потом вдруг резко, без всплеска, ушёл под воду, словно его сдёрнула в глубину невидимая рука. Леска мгновенно натянулась до предела, зазвенев. Денис вскочил на ноги, схватился за удилище обеими руками и рванул вверх, подсекая рыбу. Удилище согнулось в крутую дугу и угрожающе затрещало, грозя переломиться в любой момент.

— Есть! — заорал он во всё горло. — Кирилл, тащи подсак, она там просто огромная!

Они вываживали эту рыбу не меньше пяти минут, которые показались им часами. Леска ходила ходуном, разрезая чёрную воду и разбрасывая в стороны брызги. Кирилл светил фонариком прямо в воду, пытаясь хоть как-то разглядеть добычу в мутной глубине. В ярком луче мелькнуло что-то длинное, белое, извивающееся как змея.

— Бредень давай скорее! Это точно гигантская щука, клянусь чем угодно! — орал Денис, упираясь ногами в рыхлый берег.

Кирилл нашарил в рюкзаке складной подсак, лихорадочно разложил его трясущимися руками и подвёл под извивающуюся рыбину, стараясь не свалиться в воду. Та сопротивлялась отчаянно и яростно — была мощным хвостом и выгибалась, пытаясь уйти обратно на глубину. Но через минуту отчаянной борьбы Денис всё-таки выволок её на берег и швырнул на примятую траву, подальше от кромки воды.

Это была никакая не щука, и этого нельзя было не заметить.

Рыба напоминала огромного, раздувшегося, болезненного угря — метра полтора в длину, с серовато-белой, отвратительно полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивали тёмные внутренности и какая-то мутная жидкость. Голова была непропорционально маленькой, почти недоразвитой по сравнению с массивным телом. Глаз не было вовсе — только две гладкие, влажные впадины по бокам. Но пасть присутствовала — широкая, полукруглая, сплошь усеянная неровными, хаотичными, заходящими друг на друга зубами разного размера.

Хуже всего был запах, который пошёл от этой твари. От рыбы несло не привычной тиной и не речной водой. От неё воняло сырым мясом, уже тронутым гнильцой и начавшим разлагаться. Тем самым сладковатым запахом, который Денис почувствовал ещё на подъезде к озеру, но теперь он был в десятки раз сильнее.

— Господи боже ты мой, — выдохнул Кирилл, отступая на шаг.

Рыба вдруг дёрнулась, хотя по всем законам природы должна была уже задохнуться и умереть. Она дёрнулась не как умирающее существо в последней конвульсии, а как просыпающееся от спячки. Мощный хвост с силой ударил по траве, пасть широко раскрылась и захлопнулась с громким влажным чавканьем, обнажив ряды кривых зубов. Денис в ужасе отпрыгнул назад и, схватив с земли тяжёлый камень, со всего размаху ударил им по рыбьей голове. Раз, второй, третий — методично и жестоко. Добыча наконец затихла, перестав подавать признаки жизни.

— Ты же говорил — щука будет, — тихо и как-то обессиленно произнёс Кирилл.

— А я тебе говорил, что батя мне рассказывал, а ты мне не верил, — Денис тяжело дышал, всё ещё сжимая окровавленный камень в побелевших от напряжения пальцах. — Вот эту самую дрянь они тогда и выбросили обратно.

Они долго стояли молча, глядя на мёртвую тварь, которая и после смерти выглядела отталкивающе живой. Костёр за их спинами тихо потрескивал, отбрасывая на траву пляшущие оранжевые тени. Луна уже поднялась над лесом — бледная, равнодушная ко всему происходящему, заливающая поляну мертвенным серебристым светом.

— Слушай, — начал Кирилл, сглатывая, — может, ну его к чёрту, это проклятое озеро? Поехали домой. У нас ещё водка осталась, можно у меня на кухне посидеть по-человечески. Как нормальные люди.

— Полностью согласен, без возражений, — Денис с видимым отвращением отбросил окровавленный камень далеко в траву и принялся тщательно вытирать руки о штаны. — На хрен такую экстремальную рыбалку, я на такое не подписывался. Давай быстро грузиться.

Они побросали вещи в машину в лихорадочной спешке, даже не складывая, а просто запихивая всё в салон как попало. Кирилл сел за руль — Денис всё ещё был блее мела и не протестовал против такого распределения обязанностей. Ключ послушно повернулся в замке зажигания, и приборная панель приветственно засветилась мягким светом. Кирилл с облегчением выдохнул, чувствуя, как отпускает внутреннее напряжение. Но когда он повернул ключ дальше, до стартера — не произошло ровным счётом ничего. Абсолютная, мёртвая тишина, даже привычного щелчка втягивающего реле не было слышно.

— Давай ещё разок, не дёргайся, — напрягся Денис, подаваясь вперёд.

Ещё раз, и ещё пять раз подряд. Абсолютно никакой реакции. Будто аккумулятор кто-то вынул из-под капота, пока они сидели у костра. Кирилл выбрался наружу, открыл капот и посветил фонариком — все провода на месте, клеммы чистые и плотно затянутые. Он мало что понимал в автомобильной механике, но это не выглядело как поломка. Это ощущалось как отказ и осмысленное нежелание. Машина просто не хотела отсюда уезжать, и это было её осознанным решением.

— Чёрт бы всё побрал, — выдохнул Кирилл, с грохотом захлопывая капот. — Похоже, нам реально придётся ждать здесь до утра, никуда не денешься.

Они вернулись к костру, подбросили немного веток и сели как можно ближе к огню, инстинктивно ища защиты от темноты. Рыбу оставили лежать на берегу — никому не хотелось больше к ней прикасаться.

— Ты так и не закончил свой рассказ, — напомнил Кирилл. — Про Лёху-электрика, что с ним дальше случилось.

— А, точно, — Денис поёжился, и это явно не было следствием холода. — Да нечего там особо договаривать, если честно. Лёха после той рыбалки стал какой-то странный, не от мира сего. Спать совсем перестал, похудел сильно, осунулся. Жене говорил, что его зовут оттуда, понимаешь? Из этого озера, по имени зовут каждую ночь. Потом уволился с завода одним днём и уехал куда-то на восток. Кажется, в Новосибирск, или, может, в Нижний Новгород. Я уже не помню точно, батя не уточнял. Он с ним больше связь не держал принципиально — боялся.

— Чего именно боялся, если человек просто уехал?

— Боялся, что Лёха обратно когда-нибудь приедет и не один, а с собой кого-то приведёт.

Они замолчали надолго, каждый думая о своём. Костёр постепенно догорал до углей, и с каждым угасшим языком пламени темнота вокруг становилась всё плотнее. Тишина стояла абсолютная, какой не бывает ни в одном нормальном месте — ни единого сверчка, ни ночной птицы, ни плеска воды о берег. Только лёгкий ветер иногда проходил по верхушкам сухого камыша, и тогда они издавали шелест. Сухой, шуршащий, отчётливо похожий на человеческое перешёптывание за спиной.

— Знаешь, что самое странное во всей этой истории? — спросил вдруг Денис, и его голос прозвучал необычно глухо. — Озеро называют Красным вовсе не из-за заката, как все думают. Батя мне говорил, что раз в месяц — не каждую ночь, а в какую-то определённую, никто не знает заранее — вода здесь становится красной по-настоящему. Целиком, от берега до берега. Как свежая кровь. И говорили старики, что в такие особые ночи в озере что-то просыпается.

— В самом озере просыпается?

— Под ним, глубоко внизу. Там трещина какая-то геологическая, тектонический разлом. Старожилы называли это место Гнилой жилой, и говорили, что она не только здесь проходит, а под всем нашим городом тянется, как корневая система у гигантского дерева. Батя рассказывал, что все плохие места в округе, где люди пропадают без вести, на этой жиле сидят, как бусины на одной нитке. Старый парк в Тихой Заводи, например. Там тоже дети десятилетни-

ями исчезали, помнишь? Труба там есть дренажная, старая совершенно. Вот из неё, считай, эта жила и сочится в наш мир. А сюда, к озеру, она под землёй спускается по водоносному слою. Говорят, если старую карту наложить на новую, то все эти гиблые точки — парк, озеро, старое кладбище, овраг за элеватором — в одну прямую линию выстроятся, как по линейке. Как глубокая трещина в земле. Или как разинутая пасть, с какой стороны посмотреть.

— Гнилая жила? — Кирилл насмешливо вскинул бровь. — Звучит как откровенно дурацкое название для третьесортного фильма ужасов.

— Вполне возможно, что так и есть, — неожиданно спокойно согласился Денис, не купившись на провокацию. — Только в этом третьесортном фильме ужасов мы с тобой сейчас вдвоём сидим у затухающего костра, а в двух шагах от нас на траве лежит дохлая слепая рыба.

Кирилл не нашёлся с ответом, потому что возразить было нечего. Он вдруг осознал с пугающей ясностью, что за всё то время, пока они здесь сидят, он не услышал ни одной живой души вокруг. Даже в том самом парке Тихой Заводи, о котором ходили дурные слухи и который он принципиально обходил стороной, хотя бы изредка шумел ветер в ветвях старых лип и лаяли чьи-то собаки. Здесь же не было вообще ничего, словно они сидели на другой планете.

Ночь тянулась бесконечно долго, как это бывает только в очень плохих снах. Кирилл не спал ни минуты — просто лежал на пледе, глядя в звёздное небо и считая звёзды, которые становились всё тусклее по мере того, как с поверхности озера начинал подниматься густой туман. «Подползун», — вдруг вспомнил он местное диалектное словечко, услышанное где-то в очереди в магазине, и по спине у него прошёл ощутимый холодок.

Туман наползал слоями, словно живое существо. Сначала затянул воду полностью, потом берег, потом пополз выше, к тому месту, где догорал костёр. Он был необычайно плотным, влажным и двигался целенаправленно против лёгкого ветра. Кирилл заворожённо, не в силах оторвать взгляд, наблюдал, как белые полупрозрачные щупальца обвивают догорающие угли, заставляя их шипеть и гаснуть один за другим.

Он сел, собираясь растолкать задремавшего Дениса и показать ему это странное явление. И вдруг замер в полной неподвижности.

В тумане, прямо над поверхностью воды, угадывались силуэты — множество силуэтов. Человеческих по форме, но не совсем правильных. Пропорции были нарушены самым жутким образом — слишком длинные руки свисали ниже колен, слишком короткие ноги ступали неестественно, а головы сидели на плечах под невозможными для человека углами. Они стояли прямо на воде, как на твёрдой поверхности, и все до единого смотрели на берег.

Один из силуэтов, стоявший ближе остальных, поднял свою непомерно длинную руку и медленно, почти нежно поманил к себе жестом, который не оставлял места для сомнений.

— Дэн, — шёпотом позвал Кирилл, не в силах оторвать взгляда от воды. — Дэн, просыпайся немедленно, слышишь.

Денис заворочался, что-то неразборчиво пробормотал во сне и наконец открыл глаза. Увидев мертвенно-бледное лицо Кирилла, освещённое луной, он мгновенно проснулся и подобрался как пружина.

— Что такое, что случилось?

— Смотри туда, на воду, — Кирилл указал дрожащим пальцем в сторону озера.

Денис повернул голову и мучительно долго всматривался в туман, близоруко шурясь.

— Я ничего там не вижу, Кирилл. Туман сплошной, больше ничего нет.

— Там люди стоят. Или не люди, я не знаю кто. Они прямо на воде стоят и смотрят на нас.

— Какие, к чёртовой матери, люди могут стоять на воде? — Денис сел, кутаясь в куртку.

— Ты перепил, наверное, или задремал и увидел что-то.

Кирилл снова посмотрел на озеро. Силуэты не исчезли и не растворились в тумане — наоборот, их стало значительно больше. Они приближались — медленно, плавно, не перебирая

ногами, а скользя по поверхности воды, как скользят фигуристы по льду. Тот, что манил рукой, теперь был ближе остальных, и у него начали проступать черты лица.

Кирилл узнал это лицо, и от узнавания у него подкосились ноги.

— Лена, — прошептал он сорванным голосом, который превратился в сипение.

— Что ты сказал? — Денис схватил его за плечо и с силой встряхнул. — Какая ещё Лена? Кирилл, очнись!

— Лена Рябцева, наша одноклассница, ты помнишь её. Она утонула пять лет назад прямо в этом озере.

Денис замер как вкопанный. А Кирилл вдруг почувствовал, как ледяной холод поднимается не от воды и не от ночного воздуха, а изнутри, из-под самого сердца, растекаясь по сосудам. Он вдруг всё вспомнил с ослепительной ясностью. Это он сам предложил тогда поехать купаться на это озеро. Это он сказал ей тогда: «Озеро тихое, проверенное». Он смеялся, когда Лена говорила, что вода слишком тёмная и ей страшно заходить. «Трусиха», — бросил он тогда небрежно, через плечо, и это оказалось последним словом, которое она от него услышала в своей жизни. Через полчаса её бездыханное тело вытаскивали спасатели. А он стоял на берегу, завернувшись в полотенце, и не мог даже заплакать. Только смотрел на красный купальник, мелькавший в руках у врачей скорой помощи. Пять долгих лет он убеждал себя, что это был несчастный случай, что так сложились обстоятельства, что он ни в чём не виноват.

И вот теперь она стояла перед ним — бледная, мокрая, с волосами, облепившими лицо, — и улыбалась. И в этой неземной улыбке не было укора или обвинения. Только бесконечное, засасывающее, как трясина, всепрощение.

А за ней, в тумане, проступали другие — десятки силуэтов: мужских, женских и совсем детских. Все молчаливые, с одинаковыми чёрными провалами глаз и с руками, поднятыми в одном и том же приглашающем жесте.

И вдруг зазвучал голос. Не один, а множество голосов, слитых в единый жуткий хор, репетирующий одну и ту же ноту. Шёпот, идущий со всех сторон одновременно и проникающий прямо под черепную коробку.

— Иди к нам, мы тебя ждали очень долго. Мы всё помним, мы тебя звали.

Кирилл вскочил на ноги и попытался от воды, но ноги не слушались, налившись свинцовой тяжестью.

— Нет, — прошептал он. — Нет, Лена, прости меня, пожалуйста.

— Ты ни в чём не виноват, — пел хор на одной ноте. — Никто не виноват. Просто иди к нам. Здесь тепло и спокойно. Здесь больше никогда не будет больно. Здесь все свои.

— Кирилл! — Денис рванул его за руку с неожиданной силой. — Не слушай их, закрой уши!

Но Кирилл уже не обращал на него никакого внимания, словно оглох и ослеп для всего, кроме стоящей на воде фигуры. Глаза его остекленели, лицо разгладилось, и он сделал маленький, шаркающий шаг вперёд, к кромке воды. Чёрная вода озера коснулась носков его походных ботинок, и от этого прикосновения по телу прошла судорога.

— Нет! — заорал Денис и со всей силы ударил друга по лицу открытой ладонью. Хлётко, размашисто, как приводят в чувство человека, впавшего в истерику.

Кирилл заморгал, пошатнулся и рухнул на колени прямо в холодную прибрежную грязь. Моргнул ещё раз, и ещё. Поднял взгляд на воду — и увидел лишь туман, медленно колышущийся над чёрной гладью. Никаких силуэтов, никакой Лены. Он растерянно поднял взгляд на друга.

— Бежим отсюда, сейчас же, — Денис уже тащил его вверх по склону, подальше от воды.

Они побежали, спотыкаясь в темноте о невидимые корни, гонимые животным страхом. Сзади, из тумана, доносился смех — детский, звонкий, абсолютно счастливый. Смех, который

отражался от воды и стен леса и множился, пока не превратился в чудовищную, невыносимую какофонию, от которой хотелось закрыть голову руками.

Машина стояла там, где они её оставили, — под старой кривой сосной у края поляны. Денис выхватил ключи из кармана куртки, прыгнул за руль и лихорадочно завёл мотор, который на этот раз послушно заурчал. Кирилл рухнул на пассажирское сиденье, тяжело дыша и всё ещё не до конца осознавая происходящее.

Фары выхватили из крошечной темноты грунтовку. Денис дал задний ход, развернулся в несколько приёмов и вдавил педаль газа в пол.

— Пристегнись, — бросил он сквозь зубы.

— Да, конечно, — Кирилл дрожащими пальцами нашарил ремень безопасности. — Гони быстрее, не останавливайся.

Машина неслась по дороге настолько быстро, насколько это позволял спидометр. Пару раз она чуть не врезалась в появившееся словно из ниоткуда дерево, но Денис ловко вывернул руль.

— Мы едем куда-то не туда, Кирилл.

— Как это — не туда? Ты же сам сказал — прямо до развилки.

— Да, — Денис смотрел прямо перед собой в темноту, и лицо его было землисто-серым в слабом свете приборной панели. — Только мы уже давно должны были выехать на эту чёртову развилку. А мы всё ещё в лесу.

Кирилл прижался лбом к холодному стеклу и посмотрел в окно. Лес был всё тот же — те же сосны, те же узловатые корни, выступающие из замёрзшей земли, те же кусты. Словно они не проехали ни единого метра и всё это время стояли на месте.

— Езжай дальше, — сказал он, чувствуя, как пересыхает во рту.

Денис поехал, медленнее на этот раз, напряжённо вглядываясь в дорогу. Голые ветки царапали стёкла, а днище скребло по колее. Спустя несколько минут сосны наконец расступились, и они выехали на открытое пространство.

На ту же самую поляну. Их костёр всё ещё слабо дымил. Мёртвая белая рыба лежала на траве, тускло поблёскивая чешуёй в свете фар. И от кромки воды к машине тянулись две цепочки мокрых следов человеческих ног.

Денис посмотрел на Кирилла. Тот внимательно смотрел на озеро.

— Она звала меня, — тихо сказал Кирилл.

— Я знаю, — ответил Денис, и в его голосе не было удивления.

Внезапно двигатель заглох, как и в первый раз — сам по себе, без всяких видимых причин. Снова наступила та самая оглушающая, глубокая тишина.

— Нет, — Денис лихорадочно повернул ключ в замке зажигания. Стартер проскрежетал, мотор чихнул, но не завёлся. — Нет, нет, нет, пожалуйста.

Из тумана у воды снова донеслось пение — тихое, почти нежное, проникающее под кожу:

— Иди к нам, мы тебя ждали так долго. Мы всё помним, мы тебя звали.

Из воды снова начали подниматься силуэты. Десятки, а теперь, казалось, сотни. Они стояли на тёмной глади, как на стекле, и ждали с нечеловеческим терпением.

И среди них Кирилл снова увидел Лену. Она больше не манила его рукой, а просто стояла неподвижно, и вода капала с кончиков её пальцев. На бледном лице застыла улыбка — мягкая и печальная.

— Дэн, не смотри на них, закрой глаза, — прошептал Кирилл, моргнув несколько раз и с усилием отвернувшись от воды.

Но Денис уже смотрел и видел перед собой нечто другое, предназначенное только для него.

Из тумана, чуть левее остальных силуэтов, вышел мужчина в старой серой рабочей куртке с капюшоном — такие носили здесь лет тридцать-сорок назад. Он был невысоким,

коренастым, с узнаваемыми залысинами, которые Денис помнил с самого детства. В правой руке мужчина держал старую удочку.

— Папа? — выдохнул Денис, и голос его сломался на втором слоге.

Мужчина поднял свободную руку. Не угрожающе, а приглашающе, как зовут к столу, когда всё уже готово и пора ужинать. Лицо его было спокойным, даже ласковым.

— Мы тебя заждались, сынок, — сказал он, и голос отца звучал точно так же, как в детстве, когда Денис задерживался на улице допоздна и тот выходил на крыльцо. — Иди сюда, к нам, не бойся ничего.

Денис толкнул дверцу и начал выбираться наружу.

— Ты куда?! — закричал Кирилл, хватая его за рукав.

— Надо идти к ним, пошли быстрее.

— Ты же сам сказал — не слушать их голоса!

— Я не слушаю, я не обращаю внимания, — Денис обернулся к нему, и Кирилл увидел его глаза. Они были ясными, спокойными и даже умиротворёнными. — Я просто теперь знаю. Нам отсюда никогда не уехать, это невозможно. Надо идти к ним, там хорошо, они нам помогут.

И он пошёл — спокойным и уверенным шагом. К воде, туману, поющим голосам и неподвижным силуэтам.

— Дэн! — заорал Кирилл, срывая голос.

Но Денис уже вошёл в воду по колено, не замедляя шага. Мокрые следы на песке становились всё глубже, уходя в чёрную воду. Ещё один шаг, ещё — и вода сомкнулась над его головой без единого всплеска, словно его и не было.

Кирилл смотрел, не в силах двинуться с места или отвести взгляд. Костёр погас окончательно и бесповоротно. Темнота стала полной и абсолютной, как в могиле.

Утром машину нашли на берегу Красного озера два местных рыбака, приехавшие на своей «Ниве» из соседнего села, названия которого уже никто не помнит. Все дверцы были распахнуты настежь, а ключи всё ещё торчали в замке зажигания. Два мобильных телефона лежали на пассажирском сиденье, не заблокированные. Мотор был уже совершенно холодным. Вокруг — ни единой души, только два отчётливых комплекта следов вели от машины прямо в чёрную воду. Обратных следов не было, сколько ни всматривались.

А на мелководье, под слоем прозрачной ледяной воды, лежал красный детский ботинок. Маленький, с заячьей головой на резиновом ранте. Один глаз-пуговица у зайца выпал, осталась только тёмная дырочка, и от этого казалось, что игрушечный заяц смотрит на них с каким-то древним, усталым знанием. Ботинок был совершенно сухим внутри — вода не касалась его, словно брезговала.

Полицейский, составлявший протокол о пропаже двух взрослых мужчин, записал в графе «обстоятельства» стандартную формулировку: «Предположительно, утонули в результате несчастного случая при купании в необорудованном месте». Дело закрыли на следующей неделе за отсутствием состава. Родственникам настоятельно посоветовали не задавать лишних вопросов. Красный ботинок исчез уже на следующее утро, будто кто-то унёс его обратно в туман, чтобы положить на новое место и дожидаться следующего гостя.

А озеро до сих пор ждёт, и будет ждать всегда. Вода в нём спокойная и тёмная, а на закате — красная, как венозная кровь. И если прислушаться в сумерках, сквозь наползающий туман, можно услышать, как два молодых мужских голоса поют вместе с остальными.